

Столыпинский
вестник

Научная статья

Original article

УДК 801.8

**К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ
АСПЕКТАХ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ И
РУССКИЙ ЯЗЫКИ)**

THE ISSUE OF COGNITIVE AND LINGUO-CULTURAL ASPECTS OF
TRANSLATION (BASED ON THE MATERIAL OF WORKS OF ITALIAN
LITERATURE AND THEIR TRANSLATIONS INTO ENGLISH AND RUSSIAN
LANGUAGES)

Карсанова Дана Багировна, бакалавр, Русская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург

Karsanova Dana Baghirovna, Graduate Student, Russian Christian Academy for Humanities, Saint-Petersburg

Аннотация

В статье обсуждается современный подход к когнитивному и лингвокультурному аспектам перевода как наиболее релевантным в рамках его изучения. Анализируется взгляд различных учёных на проблему переводимости и эквивалентности перевода, а также их видение когнитивной и лингвокультурной специфики текстов. В статье приводятся примеры когнитивных и лингвокультурных особенностей художественных текстов итальянской

литературы и их переводов на английский и русский (при наличии) языки, даются комментарии к причинам расхождений между ними. Обозначаются основные факторы, влияющие на успешность или неуспешность перевода.

Annotation

The article discusses the modern approach to the cognitive and linguo-cultural aspects of translation as the most relevant in the framework of its study. The author gives different points of view of scientists on the problem of translatability and equivalence in translation, as well as their vision of the cognitive and linguo-cultural specifics of texts. The article provides examples of cognitive and linguo-cultural features of literary texts of Italian literature and their translations into English and Russian (if there are such), it gives comments on the reasons for the inequality between them. The author also describes the main factors that may influence the success or failure of the translation.

Ключевые слова: перевод, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, аспекты перевода, художественный текст

Keywords: translation, cognitive linguistics, linguo-cultural studies, aspects of translation, literary text

Как известно, современное языкознание занимается изучением широкого спектра вопросов, связанных с функционированием языка. Важное место в этом ряду занимает межъязыковая речевая деятельность, называемая «переводом» или «переводческой деятельностью».

На рубеже XX и XXI веков развитие такого направления как когнитивная лингвистика позволило учёным исследовать когнитивный аспект переводческой деятельности, а именно процессы, происходящие в сознании переводчика, то, чем обусловлен выбор используемых моделей и инструментов перевода, а также связь сознания переводчика с языками оригинала и перевода.

Вместе с тем, как показывает сравнение текстов и их переводов, когнитивный аспект неразрывно связан с культурными и национальными особенностями носителей языков исходного и создаваемого текстов. Безэквивалентная лексика, национальные реалии, диалектизмы – это лишь малая часть того, чему едва ли

можно найти аналог в другом языке. Перевод столь самобытной лексики представляет большую сложность для переводчика, задача которого – создать текст, максимально приближенный к тексту оригинала.

В своей работе «Translation studies» С. Баснетт заявляет, что в последнее время происходит «переводческий бум», так как теперь перевод осознаётся как «процесс, составляющий основу человеческого общения и взаимопонимания». Современные исследования посвящены тому, «что происходит в сознании переводчика между восприятием исходного текста и созданием на бумаге текста перевода» [1].

Когнитивный аспект имеет особенное значение в силу того, что он занимается подробным исследованием сущности процесса перевода, а именно выявлением важных деталей в технике перевода. Как отмечает И.Н. Фурсова, внимание учёных сосредоточено главным образом на «смысловых, ментальных соответствиях между оригинальным текстом и его переводом» [17, с. 72]. В чём же состоит когнитивный подход к переводу? Как считает Н.К. Яшина, когнитивный аспект процесса перевода условно можно разделить на несколько этапов. Первый этап – знакомство с текстом оригинала и его восприятие. На данном этапе переводчик внимательно знакомится с текстом, старается его воспринять, осмыслить, можно сказать, синхронизироваться с ним. На этом же этапе допустима оценка воспринятой информации и выделение особо значимых или трудных сегментов текста. На следующем этапе переводчику необходимо определиться со стратегией, методами и инструментами перевода. Помимо этого, на втором этапе переводчик должен выбрать наиболее подходящую модель перевода и продумать пути её реализации. Наконец, на заключительном этапе происходит преобразование содержания оригинального текста в текст языка перевода. Безусловно, этот процесс осуществляется с учетом всех когнитивных, стилистических, культурных и прагматических факторов [21, с. 93-97].

Принято считать, что в процессе создания перевода исходные единицы преобразуются в получаемые единицы перевода. Однако, как отмечает В.Н. Комиссаров, языковые единицы исходного текста остаются неизменными.

Трансформации происходят лишь в сознании переводчика, который «подыскивает коммуникативно равноценные единицы», то есть эквиваленты в языке перевода. [7, 164-171]. Как и В.Н. Комиссаров, И.Н. Фурсова считает, что при переводе исходный текст вовсе не трансформируется, а лишь служит «источником актуализации в сознании определённых концептов». Взаимодействуя с фоновыми знаниями переводчика и пониманием контекста в целом, эти концепты преобразуются в новые смыслы, «образующие в сознании определённую смысловую структуру» [17, с. 71]. Используя широкие возможности языка смыслов, переводчик может проводить различные операции по комбинированию концептов. А.Г. Минченков относил к подобным операциям «расщепление, слияние, перестановку, изменение концептуальной схемы» [10]. Однако, как отмечает автор, обращаться к данным операциям стоит лишь в том случае, если для выражения описываемого концепта невозможно найти подходящие единицы в языке перевода или найденные структуры «звучат неестественно или не передают релевантных для перевода признаков».

Когнитивные особенности художественных текстов прослеживаются на всех языковых уровнях. К примеру, на грамматическом уровне они могут отражаться в категории числа. Так, в итальянском языке, как и в русском, слово «жизнь» чаще используется в единственном числе и представляет собой абстрактное понятие. В английском же, напротив, число жизней согласуется с числом субъектов. Данное различие обнаруживается в сопоставлении примера, взятого из рассказа итальянского писателя А. Табуки «Controtempo» и его перевода, выполненного М. Кули и А. Романо: *uomini d'affari che passano la vita // businessmen who spend their lives* [13, 14].

Расхождения в употреблении числа столь универсального понятия как «жизнь», говорят о разном восприятии этой жизни носителями разных языков. Очевидно, для носителя английского языка понятие *жизнь* ассоциируется с чем-то более материальным, с тем, чем можно обладать. Для представителей итальянской и русской культуры, напротив, *жизнь* относится к разряду нематериальных,

глобальных ценностей. Об этом говорит и употреблённый определённый артикль *la vita*, указывающий на уникальность понятия.

Очень часто переводчик вынужден заменять лакунарные конструкции ИЯ на наиболее эквивалентные, но не идентичные конструкции в ПЯ. Так, грамматические лакуны – распространённая когнитивная особенность многих языков и их текстов. К примеру, в английском языке, в отличие от итальянского, отсутствует такая временная форма как *Imperfetto*. Это время используется для описания действий, происходивших в прошлом и длившихся неопределённый период. В отличие от *Imperfetto*, *Past Continuous* указывает на действие, происходившее в определённый момент в прошлом. Однако для передачи продолжительного действия это время является наиболее подходящим и используется в качестве аналога *Imperfetto* при переводе. Об этом говорят примеры из рассказа И. Зево «Vino generoso». Сравните: *sedevamo alla cena // were sitting down to dinner; cercava nella mia faccia // he was examining my face; quando non parlavo bevevo // when I wasn't talking, I was drinking* [5, 6]. Как видно из описанных примеров, различия в пространственно-временном континууме вызывают существенные затруднения для переводчика и ведут к неизбежным потерям смысла.

Когнитивная специфика присуща и выражению наклонения. Несмотря на то, что во всех трёх анализируемых языках есть сослагательное наклонение, каждое из них имеет свои особенности. Понятия *сослагательное наклонение*, *subjunctive* и *il congiuntivo* неравнозначны. Из этого следует, что при переводе с одного языка на другой наклонение может меняться. Так, в русском языке сослагательное наклонение выражается при помощи глагола в форме прошедшего времени и частицы *бы*. В английском языке это же наклонение передаётся с использованием некоторых модальных глаголов (*would, could, should, may, might*) + *bare infinitive* (глагол без частицы *to*). Наконец, в итальянском языке сослагательное наклонение образуется путём добавления специальных окончаний к основе глагола (в зависимости от спряжения глагола). Особенность итальянского *il congiuntivo* заключается в том, что оно может использоваться в тех случаях, когда в английском

и русском употребляется изъявительное наклонение. Рассмотрим следующий фрагмент из рассказа И. Звево «Vino generoso» и его перевод: *Mi sembrava anzi ch'essa avesse la faccia addirittura cristallizzata. // It seemed to me that her face was practically fossilized* [5, 6]. Итальянский глагол *sembrare* (казаться) требует использования *il congiuntivo*, поэтому вместо грамматической формы *aveva* (*aveva la faccia*) мы видим *avesse*. При этом, английский глагол *seem* не подразумевает использования сослагательного наклонения, поэтому во второй грамматической основе данного предложения употребляется индикативная форма прошедшего времени глагола *to be*: *her face was practically fossilized*.

Когнитивная лингвистика тесно связана с лингвокультурологией. Связь языка и культуры не случайна. Как отмечает В.А. Маслова, в основе языка и культуры лежит много общих признаков. Прежде всего, обе системы имеют семиотическую структуру и отображают мировосприятие человека. Главным субъектом и в языке, и в культуре является индивид или общество. Кроме того, обеим системам присущи такие свойства, как нормативность и историзм. В то же время, А.В. Маслова указывает на важность понимания, что язык и культура являются схожими, но не идентичными и взаимозаменяемыми системами. В частности, культура, в отличие языка, не обладает такой самостоятельностью и способностью самоорганизоваться [9].

Сегодня роль культур в переводе выходит на первый план, о чём говорит тот факт, что последнее время переводчиков называют также и «культурными посредниками», «кросс-культурными специалистами» [15]. Использование подобных определений говорит о том, что переводчик – это человек, задача которого познакомить одну культуру с другой, используя наиболее эффективные и понятные приёмы. Как справедливо отмечает Д.О. Лихова, главная задача переводчика заключается не только в том, чтобы целостно передать содержание исходного текста при помощи средств другого языка, но и сохранить «стилистические и экспрессивные особенности» этого текста. Автор считает, что перевод должен транслировать не только само содержание подлинника, но и образ его передачи [8].

Проблема создания перевода не ограничивается верной передачей грамматических и синтаксических структур, так как для смысловой эквивалентности двух текстов недостаточно эквивалентности отдельных языковых единиц. Это значит, что перевод проходит не только на лингвистическом, но и на экстралингвистическом уровне, то есть с учётом как языковых, так и социокультурных знаний переводчика.

На важность экстралингвистического уровня указывает и А.В. Фёдоров. Как объясняет автор, слова, обозначающие реалии, хоть и могут поддаваться описанию и конкретному определению, но их невозможно сопоставить с общим контекстом оригинала (для лучшего понимания), они «не выделяются в нём стилистически, являясь привычными для языка оригинала» [16, с. 206].

Интересный подход наблюдается в работах Н.В. Тимко, которая сравнивает перевод с «лингвокультурной трансляцией». По мнению автора, элементы культуры могут проявляться в тексте на двух уровнях – видимом и невидимом (так называемом свехуровне). На видимом уровне эти элементы реализуются в виде конкретных языковых и речевых моделей. Однако гораздо большую сложность при переводе составляют не языковые, а культурные расхождения. Их масштабность не позволяет реализовать их на языковом уровне. Это значит, что они находятся за пределами понимания самого языка. В связи с этим, переводчик вынужден как бы абстрагироваться от сугубо языковых задач, стоящих перед ним, и определить, что подразумевает автор текста и как он (переводчик) воспринимает данное содержание [15].

Одной из характерных черт лингвокультурной специфики текстов оригинала является их имплицитное содержание, которое переводчику необходимо «расшифровать» в своём переводе. В таких случаях очень часто используется такая трансформация, как конкретизация. В качестве примера конкретизации приведём фрагмент из рассказа итальянского писателя Д. Буццати «Семь этажей». Главный герой рассказа Джузеппе Корте не просто прибывает в город (сравните: *arrivò // arrived*), а *schodim* в городе. Также, *una mattina di marzo // one morning in March* переводчик на русский Г.П. Киселёв переводит как *погожим мартовским утром*.

Конечно, можно поспорить, насколько уместно в этом случае добавлять определение *погожий*, так как о погоде в предложении ничего не говорится. Однако, если мы продолжим читать, то увидим, что у переводчика есть основания предполагать, что день был действительно погожий (или хотя бы охарактеризовать его таким образом). Главный герой находится в хорошем настроении, описание местности внушает спокойствие, а словосочетание погожее утро имеет положительное воздействие на носителя русского языка. Можно предположить, что переводчик Г.П. Киселёв применяет в этих случаях не только денотативную модель перевода, но и коммуникативную, так как очевидно его стремление передать не просто смысл, но и атмосферу исходного текста [2, 3, 4]

Успешность приёма конкретизации для передачи лингвокультурных особенностей подтверждают и другие примеры. Несмотря на красочность и эмоциональность итальянского языка, в описаниях является нормой использование глаголов с широким значением. Эта особенность ещё больше характерна для английского языка, в котором такие базовые глаголы, как *be, have, do, make* участвуют в образовании огромного количества словосочетаний и выражений. Однако в русском языке подобных глаголов гораздо меньше, поэтому даже очень синонимичные глаголы имеют различные оттенки. Как следствие, большую роль играет сочетаемость слов, нарушение которой ведёт к искажению всего смысла. Очевидный широкий словарный запас Г.П. Киселёва позволяет ему успешно преодолеть это препятствие. Так, при описании госпиталя Д. Буццати использует составные именные сказуемые: *Tutto era tranquillo, ospitale e rassicurante*. Аналогичен перевод на английский: *Everything was peaceful, hospitable and reassuring*. Г.П. Киселёв «сужает» широкозначный глагол быть и заменяет предложение из составных именных сказуемых на сложное предложение, состоящее из нескольких простых: *Всё здесь внушало спокойствие, дышало гостеприимством, вселяло надежду* [2, 3, 4].

Во многих случаях лингвокультурная специфика исходных текстов состоит в том, что она требует одновременно и экспликации, и лаконичности. В таких случаях также будет уместна конкретизация в виде лексической единицы,

имеющей свойства всего фрагмента, что придаёт переводу краткость и точность. Рассмотрим перевод словосочетания из рассказа Д. Буццати «Семь этажей» *in esame più accurato*. В переводе Дж. Тэйбера мы видим *a more accurate examination*, когда у Г.П. Киселёва тот же фрагмент переведён как обследование. И, действительно, выражение *тщательный осмотр* можно заменить одним словом – *обследование* [2, 3, 4]. В данном случае стратегия Дж. Тэйбера соответствует трансформационной модели перевода, в то время как перевод Г.П. Киселёва лучше всего отражает денотативную модель. Точно так же в переводе фразы *al fondo della mia ricerca* можно заметить, что, в отличие от своего английского коллеги, который калькирует фразу (*the bottom of my research*), Е.А. Костюкович подбирает перевод, заключающий в себе значения и «глубины», и «исследования» – *разыскания*.

Как уже было сказано, для переводчиков на русский язык очень важно переводить ёмко и при этом не утрачивать экспрессивность лексики, используемой автором оригинала. Не обладая широким словарным запасом и умением проследить мысль автора, переводчик рискует создать буквальный перевод. Однако с этой проблемой успешно справляется Е.А. Костюкович, переводчица романа У.Эко «Имя розы». Она «метафоризирует» фразы и преобразует их в более ёмкие, которые, при этом, включают каждый из компонентов оригинальной фразы. К примеру, переводя роман «Имя розы», в словосочетании *leggevo, affascinato* переводчик на английский У. Уивер заменяет причастие *affascinato* существительным с предлогом (*I read with fascination*), в то время как Е.А. Костюкович использует в переводе приставочный глагол упиваться в его переносном значении. Данный глагол полностью передаёт смысл оригинального словосочетания и добавляет ему образности. Сравните: *In un clima mentale di grande eccitazione leggevo, affascinato, la terribile storia di Adso da Melk; In a state of intellectual excitement, I read with fascination the terrible story of Adso of Melk; В состоянии нервного возбуждения я упивался ужасающей повестью Адсона* [18, 19, 20].

Ещё один значимый компонент лингвокультурной специфики итальянских текстов – это использование диалектных форм. Так, в рассказе неаполитанской

писательницы В. Паррелла «*Quello che non ricordo più*» диалектизмы играют важную роль. Они делают речь героев более эмоциональной, а сюжет – динамичным. Неаполитанский диалект имеет множество особенностей, которые не всегда понятны даже жителям других регионов Италии. Ещё большую сложность они представляют для переводчиков. Так, диалектную форму обращения *signo'* переводчик передаёт нейтральным существительным *people*. Очевидно, что среди диалектов английского языка не может быть найдено эквивалентов диалектных форм итальянского языка. Таким образом, денотативные различия не позволяют С. Твилли, переводчику рассказа на английский, воссоздать тождественную картину. В этом случае представляется допустимым сохранение оригинала и пояснение его значения в переводческом комментарии [11, 12].

На успешность перевода влияет ряд факторов. Многие из этих факторов, особенно те, которые связаны с культурой, наиболее ярко проявляются в переводе художественных произведений. Как свидетельствуют описанные примеры из произведений итальянской художественной литературы и их переводов на английский и русский языки, выбор тех или иных переводческих приёмов, моделей перевода, а также сама личность переводчика ведут к успешности или неуспешности перевода. Какие же факторы влияют на успешность перевода? Безусловно, успешность перевода зависит от сложности текста оригинала, его насыщенности культурно-национальными реалиями, безэквивалентной лексикой и т.д. Так, можно заметить, что рассказ А. Табуки «*Controtempo*», состоящий главным образом из размеренного повествования, гораздо проще поддаётся переводу, нежели рассказ В. Паррелла «*Quello che non ricordo più*», богатый на иронию, использование диалектизмов и эмоционально насыщенных предложений. Далее успешность перевода зависит от правильного воспроизведения ситуации на всех уровнях языка перевода. Как показали описанные выше примеры, английский и, тем более, русский языки хуже справляются с синтаксической перегруженностью, поэтому для переводчиков на эти языки наибольшую трудность составляет поддержание баланса между лаконичностью и сохранением богатой палитры эмоций, присущей итальянской литературе. В этом им может

помочь использование таких лексических и лексико-грамматических трансформаций, как генерализация, смысловое развитие и опущения. При переводе с итальянского языка на английский переводчику стоит уделять отдельное внимание передаче эмоциональной окраски и «выдерживать темп» писателя, а переводчику на русский необходимо использовать уточнения и смысловое развитие. Ещё одним фактором, оказывающим влияние на перевод, является рабочая пара языков. Так, проанализировав тексты на трёх языках, можно сказать, что с итальянского языка проще переводить на русский, чем на английский, такой перевод получается более точным, больше способен отобразить языковые средства ИЯ и авторский стиль. Прежде всего, это связано с тем, что и итальянский, и русский являются флективными языками, поэтому переводчику на русский гораздо проще понять значение самих флексий или транслируемую мысль, отчасти отражённую во флексиях. Во-вторых, русский язык гораздо ближе к итальянскому и по эмоциональной экспрессивности по сравнению с английским языком. Трансляции на последний мешает его аналитический строй и строгий порядок слов, ведь использование эмоциональной окраски часто требует отказа именно от таких правил (например, использование инверсии). Существенное значение имеет и выбор подходящей стратегии перевода. Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что при расхождениях на лингвистическом уровне, следует пользоваться стратегиями, соответствующими трансформационной и семантической моделям, в то время как различия экстралингвистического уровня мотивируют переводчика обращаться, скорее, к денотативной, ситуативной или коммуникативной моделям перевода. Также, немаловажную роль играет личность переводчика, а именно его образование, переводческий опыт и даже личностные качества. Интересное влияние на перевод оказывает и пол переводчика. Было высказано мнение, что определённые тенденции хоть и не являются абсолютными, тем не менее, достаточно часто наблюдаются в работах переводчиков. Так, перевод на английский рассказа В. Паррелла «*Quello che non ricordo più*», выполненный мужчиной-переводчиком, отличается нехваткой эмоционально окрашенной лексики, ровной линией повествования и заменой диалектизмов на нейтральную

лексику. В то же время, в переводе романа У. Эко «Имя розы» Е.А. Костюкович использует большое количество эпитетов, метафорических преобразований, идиоматизацию и даже скрытую иронию. Её перевод отличается экспрессией и быстрой сменой описываемых сцен. Оба перевода, в особенности первый, сложно с уверенностью назвать успешными, поскольку в обоих случаях индивидуальные стили переводчиков значительно трансформировали исходный текст. Однако гендерные различия не всегда могут быть очевидны в переводе. Подтверждением тому служит перевод Г.П. Киселёва. Несмотря на упомянутые особенности переводов, выполненных мужчинами-переводчиками, в переводе Г.П. Киселёва присутствует достаточное количество тропов и фигур речи, которые, однако, не искажают замысел автора, а напротив, проясняют его и делают перевод привлекательным для русского читателя.

Таким образом, можно сделать вывод, что когнитивные и лингвокультурные расхождения проявляются как на языковом, так и на сверхязыковом уровне и становятся очевидны при сопоставительно-сравнительном анализе оригиналов произведений художественной литературы и их переводов.

Список литературы

1. Баснетт С. Переводоведение. – Лондон: Рутледж, 2002. – 176 с.
2. Буццати Д. Семь этажей. – Милан: Мондадори, 1958. – 51 с.
3. Буццати Д. Семь этажей // Перевод на английский Дж. Тэйбера. – Казирра, 1970.
4. Буццати Д. Семь этажей // Перевод на русский Г.П. Киселёва // Журнал «Иностранная литература», 2002.
5. Звево И. «Generous wine» // Сборник «I Meridiani». – Милан: А. Мондадори, 2004.
6. Звево И. «Generous wine» // Перевод на английский Дж. Пенюэля. – Penguin Books, 2019. С. 66-78.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-ов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. С. 164-171.

8. Лихова Д.О. Особенности перевода диалектной лексики с итальянского языка на русский (на материале художественного фильма «Benvenuti al sud») // Воронежский государственный университет. 2014. – 9 с.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
10. Минченков А.Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. – СПб.: Антология, 2007. – 256 с.
11. Паррелла В. «Quello che non ricordo più». – Рим: Minimum Fax, 2003. – 103 p.
12. Паррелла В. «Quello che non ricordo più» // Перевод на английский Твилли С. 2009.
13. Табукки А. Controtempo. – Фельринелли, 2009. – 176 с.
14. Табукки А. Controtempo // Перевод на английский Кули М., Романо А. – Penguin Books, 2019. С. 56-63.
15. Тимко Н.В. К вопросу о передачи культурной специфики текста в переводе // Вестник ИГЛУ. 2010. № 1. С. 61-66.
16. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для ин-ов и фак. иностр. Яз. Учеб. Пособие / А.В. Фёдоров; Отв.ред. Л.С. Бархударов. – 4-е изд., перераб. И доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 416 с.
17. Фурсова И.Н. Когнитивный подход в переводоведении // Lingua mobilis. 2013. №6 (45). С. 66-73.
18. Эко У. Имя розы. – Милан: Бомпиани, 1980. – 701 с.
19. Эко У. Имя розы // Перевод на английский Уивера У. – Нью-Йорк: Warner Books Inc., 1984. – 318 с.
20. Эко У. Имя розы // Перевод на русский Е.А. Костюкович. – М.: «Издательство АСТ», 2014. – 710 с.
21. Яшина Н.К. Моделирование процесса перевода в когнитивном аспекте // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. №8. С. 93- 97.

Literature

1. Bassnett S. Translation Studies. – London: Routledge, 2002. P. 176.
2. Buzzati D. Seven floors. – Milan: Mondadori, 1958. – 51 p.

3. Buzzati D. Seven floors // Translated into English by J. Taber. – Kazirra, 1970.
4. Buzzati D. Seven floors // Translated into Russian by G.P. Kiselev // Journal «Foreign Literature», 2002.
5. Eco U. The Name of the Rose. – Milano: Bompiani, 1980. – 701 p.
6. Eco U. The Name of the Rose // Translated into English by W. Weaver. – New York: Warner Books Inc., 1984. – 318 p.
7. Eco U. The Name of the Rose // Translated into Russian by E.A. Kostyukovich. – Moscow: Publishing house «AST», 2014. – 710 p.
8. Fedorov A.V. Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems): for in-s of foreign languages. Textbook / A.V. Fedorov; Responsible ed. L.S. Barkhudarov. – 4th ed., revised. And extra. - M.: Higher School, 1983. – 416 p.
9. Fursova I.N. Cognitive approach in translation studies // Lingua mobilis. 2013. No. 6 (45). P. 66-73.
10. Komissarov V.N. Theory of translation (linguistic aspects): Proc. for in-s and faculties of foreign lang. – Moscow: Higher. school, 1990. P. 164-171.
11. Maslova V.A. Linguocultural studies: Textbook for students of higher educ. in-s. – Moscow: Publishing Center «Academy», 2001. – 208 p.
12. Minchenkov A.G. Cognition and heuristics in the process of translation. – St. Petersburg: Anthology, 2007. – 256 p.
13. Likhova D.O. Features of the translation of dialect vocabulary from Italian into Russian (based on the feature film "Benvenuti al sud") // Voronezh State University. 2014. – 9 p.
14. Parrella V. Quello che non ricordo più. Racconti. – Rome: Minimum Fax, 2003. – 103 p.
15. Parrella V. What I no longer remember // Translated into English by Twilley S. – 2009.
16. Svevo I. «Generous wine» // Collection "I Meridiani". – Milan: A. Mondadori, 2004.
17. Svevo I. «Generous wine» // Translated into English by Penuel J. – Penguin Books, 2019. P. 66-78.

18. Tabucchi A. Controtempo. – Feltrinelli, 2009. – 176 p.
19. Tabucchi A. Controtempo // Translated into by Cooley M., Romano A. – Penguin Books, 2019. P. 56-63.
20. Timko N.V. The issue of transferring the cultural specificity of the text in translation // Journal of ISLU. 2010. No. 1. P. 61-66.
21. Yashina N.K. Modeling the translation process in cognitive aspect // International Research Journal. 2020. No. 8. P. 93-97.

© Карсанова Д.Б., 2022 Научный сетевой журнал «СтолЫПИНСКИЙ вестник» №3/2022.

Для цитирования: Карсанова Д.Б. К вопросу о когнитивных и лингвокультурных аспектах перевода (на материале произведений итальянской литературы и их переводов на английский и русский языки) профессий// Научный сетевой журнал «СтолЫПИНСКИЙ вестник» №3/2022.